

*В.И.Мукомель,
кандидат экономических наук,
Президентский совет*

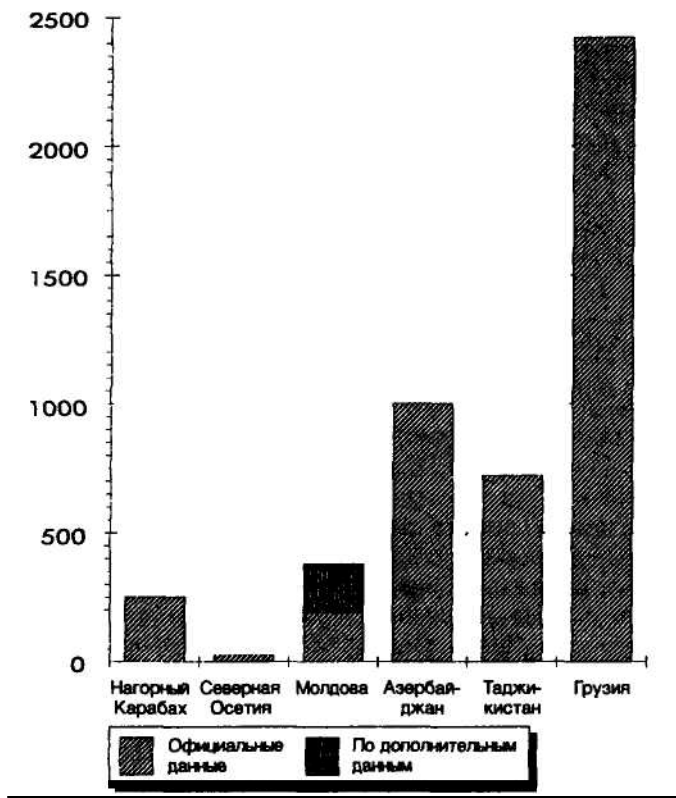
О ликвидации последствий этнонациональных конфликтов

Мне хотелось бы посвятить свое выступление проблеме, скорее, завтрашнего дня — ликвидации последствий этнонациональных и региональных конфликтов в постСССР. Нужно сказать, что эскалация межнациональных и региональных конфликтов принесла не только значительные человеческие жертвы, но и ощутимый материальный ущерб. Лишь прямые материальные потери от разрушения жилых строений, производственных инженерных сооружений, выведения из севооборота плодородных земель составляют около 4 млрд долл. В наибольшей степени пострадали территории Таджикистана, где убытки от гражданской войны составили порядка 700 млн долл; Азербайджана — около 1 млрд долл; Грузии и Молдовы. На рис. 1 приведены данные о материальном ущербе в основных регионах этнополитических и региональных конфликтов. Соответственно официальные и неофициальные оценки. К сожалению, полностью отсутствуют данные по наиболее интенсивно идущему сейчас конфликту в Грузии. Причем, нужно сказать, что с каждым годом потери от этнополитических и региональных конфликтов увеличиваются. На рис. 2 приведены официальные данные по прямому материальному ущербу в 90-х годах.

Это только прямой материальный ущерб, но следует учитывать и косвенный ущерб — затраты на содержание армии, затраты на содержание миротворческих сил. В 1992—1993 гг., скажем, затраты на содержание миротворческих сил составили несколько десятков миллиардов рублей. Кроме того, это разрыв производственных связей между территориями, ну и, конечно, огромные людские потери. Скажем, вот данные по численности убитых в зонах этнополитических и региональных конфликтов (рисунок 3).

Вопрос: Какие это территории?

Ответ: Это соответственно Карабах, Северная Осетия, Абхазия, Молдова, Таджикистан, Азербайджан. К сожалению, данные по численности погибших в Грузии (в Абхазии) противоречивы.

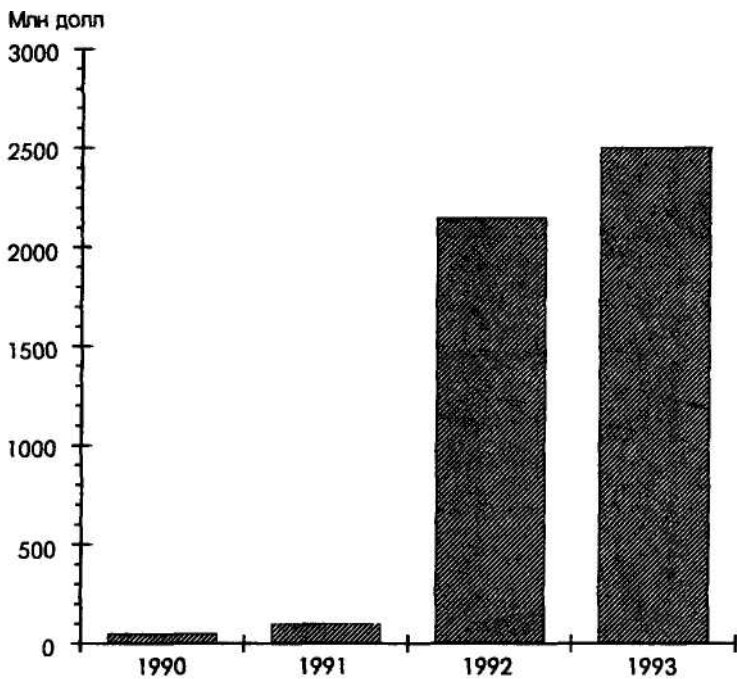

Рис. 1. Материальный ущерб в зонах этнополитических и региональных конфликтов постСССР (млн.долл)

Причем, опять же, с каждым годом численность погибших увеличивается (см.рис. 4). В 1993 г., судя по всему, численность погибших во всех конфликтах на территории постСССР будет сопоставима с численностью погибших в 1992 г.

С учетом косвенных потерь общий материальный ущерб в зонах этнополитических и региональных конфликтов составляет порядка 15 млрд долларов. Россия вынуждена будет как-то, в какой-то форме помогать государствам, пострадавшим от межнациональной розни или от гражданских войн, как в случае с Таджикистаном. Ясно, что разрушение народно-хозяйственных потенциалов этих государств является истинной катастрофой для них. В Молдове материальный ущерб только по правобережной зоне составляет половину годового валового внутреннего продукта. В то же время для Азербайджана только прямой материальный ущерб превышает двухлетний, а для Таджикистана — четырехлетний валовый внутренний продукт.

Достаточно очевидно, что ни одно из названных государств не может самостоятельно ликвидировать последствия конфликтов. Так же

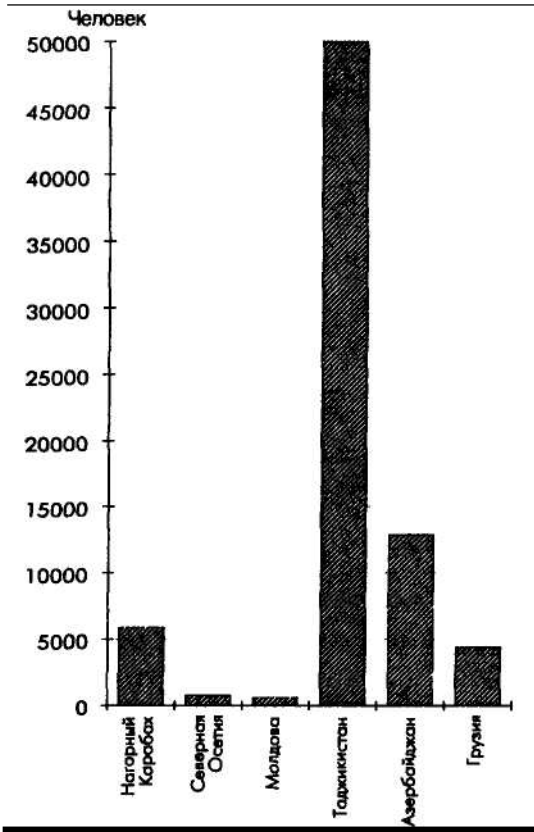

Рис. 2. Материальный ущерб в зонах конфликтов, 1990—1993 гг.

мало вероятно, что международное сообщество сможет оказать помощь в каких-то существенных размерах, хотя заинтересованность в восстановлении нормальной жизни в зонах конфликтов проявляют ближайшие соседи, которые, с одной стороны, опасаются импорта нестабильности, а с другой — стремятся расширить свое присутствие в данном регионе. В отношении Молдовы — это Румыния, Украина, в Закавказье и Средней Азии — Турция, Иран, Афганистан, Пакистан, Китай.

Мне кажется, что Россия, заинтересованная в прочности соседских отношений с бывшими союзными республиками и в стабильности, озабоченная судьбой соотечественников, проживающих в независимых государствах, просто обречена на помощь ближнему зарубежью в ликвидации последствий конфликтов. И, может быть, не только из гуманистических и геополитических, но и из меркантильных соображений.

Россия в принципе не выдержит наплыва эмигрантов из бывших союзных республик (в основном, из Средней Азии), численность которых к 2000 г. может составить до 2 млн человек (хотя, по пессимистическим оценкам федерально-эмиграционной службы, она может составить уже в ближайшие два года до 6—8 млн человек). На рисунке 5 приведены оценки численности эмигрантов из бывших союзных республик. Я хотел бы обратить ваше внимание на то, что

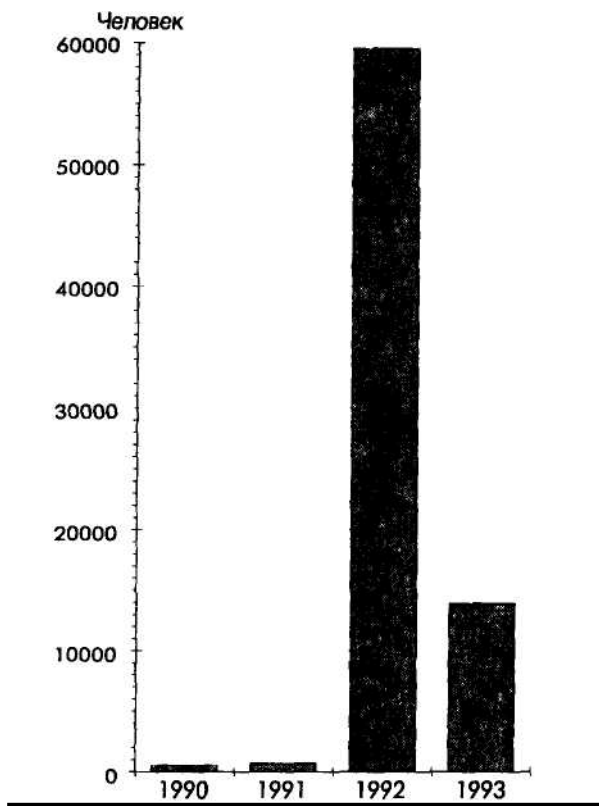

Рис. 3. Погибшие в зонах этнополитических и региональных конфликтов в постСССР

шкала логарифмическая. Левый столбик — это прогнозные оценки до 2000 г., правый — численность беженцев из данных республик в 1993 г., по данным на конец III квартала в тыс. человек. В настоящее время, по данным Федеральной миграционной службы, в России насчитывается около 370 тыс. беженцев, но реальные цифры, видимо, существенно выше.

Нужно сказать, что очень слабо прослеживаются перспективы прибытия в Россию экономических эмигрантов, численность которых будет существенно зависеть от экономической и социально-политической стабильности в бывших союзных республиках. В то же время пример Армении, экономическая ситуация в которой в настоящее время наиболее катастрофична, видимо, свидетельствует о том, что есть какой-то предел терпению, и в настоящем году, например, зафиксирован очень значительный приток армян в Россию.

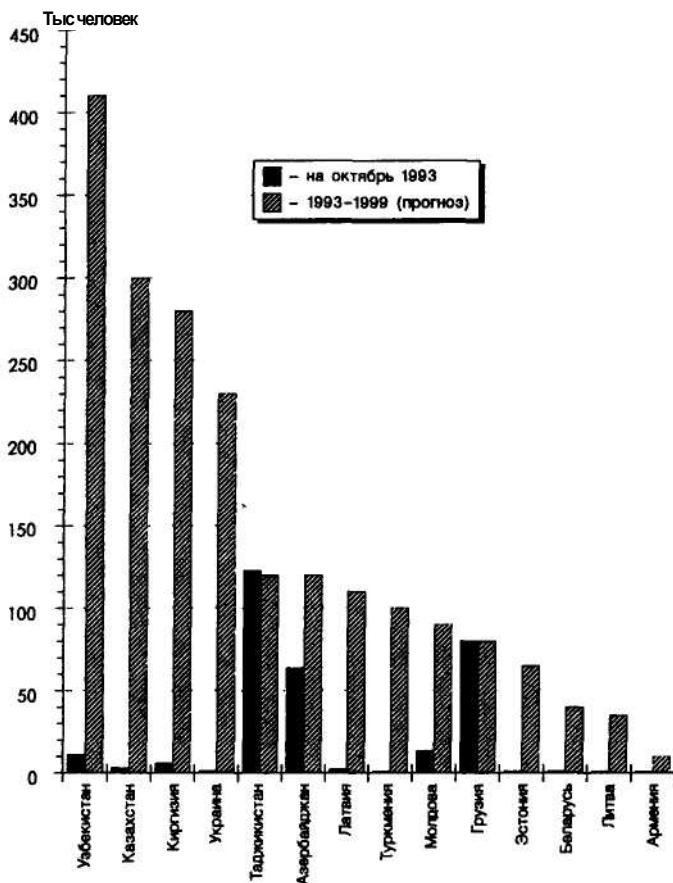
Беженцы не только усугубляют ситуацию на рынках труда и жилья. Они формируют достаточно сложную социально-психо-

Рис. 4. Погибшие в зонах конфликтов

логическую обстановку в районах их массового притока, и эта ситуация чревата социальными взрывами. Э.А.Паин вспомнил ситуацию в Алжире. Мне хотелось бы вернуться в Алжир тремя десятилетиями ранее — мы помним, что существенную роль в дестабилизации внутренней обстановки во Франции сыграли именно эмигранты из Алжира, и сама организация ОАС базировалась на французах, ранее проживавших в Алжире. И, кстати, результаты выборов свидетельствуют, что русскоязычное население в союзных республиках более активно голосовало за Жириновского, нежели россияне.

Учитывая состояние российской экономики, говорить о каких-то существенных, соразмерных с потребностями инвестициях в бывшие союзные республики конечно же не приходится. Однако Россия имеет неоспоримое преимущество перед потенциальными конкурентами в том отношении, что в ней сохраняется общность технологического менталитета, общность технологий, отсутствие языковых проблем и т.д., и т.д. В связи с этим случаем Россия может прийти с помощью в ближнее зарубежье, осуществляя техническую помощь в виде связанных кредитов. Она может воспользоваться мировым опытом, когда

Рис. 5. Распределение беженцев (вынужденных переселенцев) в России по государствам выбытия, тыс человек

значительная часть технической помощи, оказываемая государственными или межправительственными организациями, идет на стимулирование внутреннего производства. Я подразумеваю связанные кредиты, по которым идут поставки готовой технической продукции, оплачивается труд собственных работников. В данном случае, скажем, российских специалистов, которые бы работали в ближнем зарубежье. И, видимо, следует обратиться к тому потенциалу, который из себя представляет русскоязычное население, выехавшее из зон конфликтов и находящееся сейчас в России в качестве вынужденных переселенцев. Эти специалисты знакомы с производствами не понаслышке, и их привлечение к восстановлению народного хозяйства ближнего зарубежья позволило бы решить и личные проблемы — ясно, что их семьи остаются в России и основные траты они будут осуществлять в России. Техническая помощь России позволила бы

решить несколько задач: во-первых, стимулирование собственного производства, во-вторых, сдерживание притока русскоязычного населения в Россию, и, в-третьих, облегчение ситуации на рынке труда, облегчение адаптации семей вынужденных переселенцев, которые прибыли в Россию из зон этнополитических и региональных конфликтов.

Вопрос: Что Вы думаете о вероятной квалификации российской помощи, о которой Вы сказали, теми или иными силами в республиках? Можно ли предположить, что в этих республиках найдутся достаточно мощные политические силы, которые будут квалифицировать помощь (в том виде, в каком Вы ее предполагаете) как русский неокOLONиализм?

Ответ: Я думаю, что в определенной мере такая реакция возможна, но люди в республиках, отвергающие такой подход, вынуждены будут искать альтернативы. Вопрос в том, есть ли эти альтернативы.

Вопрос: Каковы источники Ваших данных? Насколько достоверны данные о масштабах разрушений, об оценке их финансового выражения, количестве жертв? И второе. Вы называете миллионы людей, которые уже начали двигаться. Конечно, официальная статистика не раскрывает нам всего, 350 тыс. — это только беженцы, зарегистрированные в органах внутренних дел. Можно услышать такие высказывания — что ж, давайте, переезжайте, Россия может принять. К тому же сам эмигрант, беженец — носитель производственного начала, и мы, таким образом, с помощью этих людей возродим Россию. Как Вы оцениваете эту точку зрения? Как Вы считаете, насколько эта точка зрения исходит из официальных кругов? Реалистична ли эта политика?

Ответ: Я, если Вы не против, начну со второго вопроса. Такая точка зрения действительно высказывается. Но, к сожалению, она, на мой взгляд, не очень реалистична. В чем дело? Скажем, только для обустройства третьей части русскоязычной общины Средней Азии и Закавказья, — на мой взгляд, это достаточно реальная цифра притока иммигрантов до 2000 г., — так вот, только обустройство этих переселенцев в России потребует около 5 млрд долл, по тем нормам, которые предусматривает федеральная служба миграции. Это минимум минимум. Это нищенское существование. Не дай Бог, если в Россию хлынет поток беженцев. Да и этих денег просто нет. Поэтому тот подход, который я изложил, — это альтернатива: либо России вкладывать эти деньги здесь, в России, с прогнозируемым нулевым эффектом и неизбежной дестабилизацией социально-политической ситуации, либо их вкладывать в ближнем зарубежье. Этот подход в известной мере схематичен конечно же. Практически Россия будет вынуждена и осуществлять инвестиции в ближнем зарубежье, и разворачивать прием русскоязычного населения. Теперь, что касается первого вопроса. Приведенные данные — официальные, за исключением первого рисунка, где были даны и официальные, и неофициальные оценки. Их источник — комиссии при Совминах, Верховных Советах и т.д., и оценки эти делаются в республиках. Это касается и числен-

ности погибших, и величины материального ущерба. Правда, это данные разрозненные, относящиеся к разным датам, как правило, в рублях. Для удобства и единообразия они были мною переведены в долларовый эквивалент. Они конечно же достаточно условны. Скажем, оценка Северо-Осетинской стороной последствий осенних событий 1992 г. в пригородном районе — 11 млрд руб. И эта оценка базируется на данных Генпрокуратуры РФ. А оценки Ингушской стороны в 20 раз выше. Причем один из руководителей республики на мой вопрос: "Не кажется ли вам, что эти издержки очень высокие, соизмеримы чуть ли не с ущербом в Таджикистане?", сказал: "Ну, если вы считаете, что слишком высокие, пожалуйста, снизьте". Поэтому по Северной Осетии приведены официальные данные.